

НАТАЛЬЯ ГОЛЫШКИНА

Макет вселенной

СТИХИ

Наталья Гольшкина
Макет вселенной. Стихи

«Издательские решения»

Гольшкина Н.

Макет вселенной. Стихи / Н. Гольшкина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903247-8

Сборник стихотворений петербургского автора, известного в сети как Джу (<http://stihi.ru/avtor/jojo>). Сборник объединяет произведения разных лет.

ISBN 978-5-44-903247-8

© Гольшкина Н.
© Издательские решения

Содержание

читай по линиям руки	6
Тихо падает день	7
колыбельная	8
она хотела стать Милой Йовович	9
пуп вселенной	10
закрой глаза	11
Тише. Остынь. Это просто зима, зима	12
а он говорит – понимаешь, такая фигня	13
скрип да скрип за окном	14
Маленькая девочка ищет	15
Делились палермами	16
Ближе к ночи становишься воображаемым	17
Голова не лопнет	18
А эти смешные	19
проживаешь жизнь	20
мальчики вырастают	21
идешь по городу	22
И в конце концов остаешься	23
Героиня с бледным лицом	24
нежность	25
Теплый ветер уснул	26
И так спокойно и легко	27
Секрет	28
руку подставь	29
Идешь по битому стеклу	30
недосказка-2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Макет вселенной Стихи

Наталья Гольшкина

© Наталья Гольшкина, 2018

ISBN 978-5-4490-3247-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

читай по линиям руки

читай по линиям руки
прогноз погоды на неделю
греми, ведро, мели, Емеля
да будут сны твои легки

да будут сны твои легки,
как привидение с мотором
и одуванчик под забором,
и по стеклу скользнувший блик

и по стеклу скользнувший блик
с неотвратимостью кастета
прибьет истаявшее лето
к неровной плоскости земли

Тихо падает день

Тихо падает день
на подставленные ладони.
В переулке таксист
выбирает монетку из двух.
В опрокинутом небе
плывет дирижабль и не тонет.
В опрокинутых окнах
дрожат силуэты старух.

Запах солнца на паль-
цах продержится ровно неделю.
А потом – зарядит,
и останется только смотреть
на размокший июнь,
на соседский раздолбанный велик,
на сырые дома,
погруженные в воду на треть.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Перевернешься, даже если спишь не с краю
и вдруг почувствуешь, как холодно снаружи
там – дождь и снег, тут – теплый горб верблюжий
подушки и отставшего от стаи
роскошного ночного бегемота
они летают, как известно, клином
Трамваи мчатся в парк, а звери – к людям.
Устройся поудобней на верблюде
и засыпай, почесывая спину.

она хотела стать Милой Йовович

она хотела стать Милой Йовович, а еще – жить в Париже
по утрам есть круассаны, пить кофе и облизывать с пальцев шоколад
и однажды ее бойфренд погнул ее любимые пассатижи
она убила его табуретом, села в троллейбус и уехала на закат.
и она доехала-таки до Парижа, поселилась в мансарде, занялась пением,
пила по утрам кофе, кормила с рук голубей и пугала табуретом соседа,
развешивала на балконных веревках цветное белье – чем дальше, тем откровеннее
и, похоже, скоро станет Милой Йовович – вероятнее всего, в пятницу в районе обеда.

пуп вселенной

Даже сказать тебе нечего, кроме как слушай,
слушай, ты слышишь – растет трава.
Мы ее высушим, скурим, закроем ладонями уши,
сожмем сильнее, чтоб треснула голова.
Вытекут мысли арбузным соком на камни
и прорастут полынью и чередой,
и чередой проплывут облака и – дай мне
договорить – и станут к утру водой,
градом, холодным снегом, песком и пеной,
точками на асфальте – черней угля.

Если отвинтишь пуп с живота вселенной,
будет тебе свобода и три рубля.

закрой глаза

закрой глаза. до двери дойдешь в темноте.
холодный дом отпускает тебя с трудом.
те, что казались не теми, и есть не те.
а будешь упорствовать – так попадешь в дурдом.

над Влтавой пар. чайки режут за кругом круг,
сходя с ума от пожравших город огней.
и новый год упадет на старую землю вдруг,
подзадолбавшись гордо парить над ней.

Тише. Остынь. Это просто зима, зима

Тише. Остынь. Это просто зима, зима.
Белая стынь накрывает дома, дома.
Если успеешь, можешь забыться сном.
Ближе к весне тебя увезут в дурдом.

Ближе к весне снег окажется просто водой.
Ты не сумеешь найти дорогу домой.
Будешь искать приметы и там, и тут.
Но не мешай сестре накладывать жгут.

Если смотреть через правильное стекло,
в каждой бутылке найдется двойное дно.
Всё повторится по кругу: зима, снегопад.
Бедный мой друг, это память, ее едят.

а он говорит – понимаешь, такая фигня

а он говорит – понимаешь, такая фигня
что не будет тебе радости – со мной ли, без меня
а я за него что хочешь легко отдам
вот и говорю – да поди ты ко всем чертям
смеется, бес
а глаза – бездонней ночных небес
так раскинешь руки, теряешь вес
и душа поет, чисто скрипка-альт
и – башкой в асфальт

скрип да скрип за окном

скрип да скрип за окном
это кто-то палит тормоза
до промозглого утра осталось
не так уж и много
к темно-синему небу присохла
большая звезда-
недотрога

Маленькая девочка ищет

Маленькая девочка ищет того, для кого она будет дороже жизни
Того, кто будет читать ее мысли
Того, кто примчится к ней по первому свисту
Того, кто набьет за нее лицо хотя бы таксисту.

Маленькая девочка встает из-за стола, выключает компьютер
Ей кажется, что одна она больше не проживет и минуты
Она задумывается настолько, что выходит покурить необутой
Прямо в окно и летит, не выбирая маршрута.

Пролетая над Эрмитажем сине-зеленого цвета
Машет кому-то рукой и не получает ответа
Думает, что чем быть необутой, лучше б была неодетой
И падает в Неву недокуренной сигаретой.

Делились палермами

Делились палермами, венециями, рассказами о детях
Любили одних, говорили с другими, спали с третьими
А по ночам, когда сны особенно легки и тонки,
Звонили друг другу и, затаив дыхание, слушали короткие гудки

Ближе к ночи становишься воображаемым

Ближе к ночи становишься воображаемым другом зайца пц
Безо всякого выражения на плохо прорисованном лице
С одной только мыслью – повеситься бы, поверит ли
Или лучше пойти покататься на недоломанном велике
Разогнаться посильнее и вспомнить, что тормоза отсутствуют
И лететь, и дуреть и в какой-то момент ощутить себя меркуцио
И орать – чтоб чума забрала все ваши дома, и с ними поребрики
И спастись и продать чертов велик за пару серебрянников

Голова не лопнет

Плюнь. Голова не лопнет. Солнце не брызнет.
Утро настанет не раньше, чем утро настанет.
Видишь – идет троллейбус, машет рогами? —
он повышает чье-то качество жизни.
Даже тошнит? Это мысли щекочат горло.
Мог же держать в мозгу – ну и что, что много.
Что значит «слишком»? послушай, побойся бога,
если б делился, тогда бы не так и перло.
Сильно устал? Ну давай дойдем до трамвая,
вон он визжит, недорезанный, в метре отсюда
у магазина с какой-то буржуйской посудой.
Все-таки лопнула? Жалко. Была неплохая.

А эти смешные

А эти смешные, да и что с дураков возьмешь
Им и ветер не ветер и дождь им, прикинь, не дождь
Так и ходят вдвоем. За руки и вперед
Даже время как-то иначе сквозь них течет

через двести, а может, триста прекрасных лет
все умрут, а эти наворотят котлет
завернут в платок, свет и газ уберут в сарай
и пойдут потихоньку, держась друг за друга, в рай

проживаешь жизнь

проживаешь жизнь, прогоняешь сон
а потом глядишь – а в руке песок
и всего-то счастья, что легок шаг
и всего-то горя, что сам – дурак.

мальчики вырастают

мальчики вырастают, женятся, обзаводятся детьми
газетой к утреннему кофе, костюмом, дорогими часами,
машиной, квартирой, обязанностью заехать к маме,
быть на работе не позже чем к десяти
и ты понимаешь что вот он был только что, а потом исчез
весь, без остатка, а земля совершает свои обороты
ты рыдаешь в подушку, пытаешься отвоевать хоть что-то,
пока не вспомнишь однажды, что отлично умеешь обходиться без

идешь по городу

идешь по городу закатному,
маршрут привычен и увечен,
и фонари сорокаваттные,
и снег подсвечен
едва-едва. и еле движется
вода тяжелая и ртутная.
а стрелка – часовая бывшая —
теперь минутная.

И в конце концов остаешься

И в конце концов остаешься наедине с собой.
Что там было, уже неважно. Все прошло. Все опять прошло.
Только что-то в груди так жжется, что его ни вином, ни водой.
И так хочется стать вот этой, неживой, и стоять с веслом
в зимнем парке, чтоб мимо люди, по ночам фонари и лед
и ребенок в мохнатой шапке, пожалев, подарил бы шарф
и дожждаться весны, и сгинуть среди листьев, цветов и трав.
И не помнить, что всё конечно и пройдет, как всегда пройдет.

Героиня с бледным лицом

Героиня с бледным лицом курит, сидя на подоконнике.
Герой потерял бумажник и едет домой на трамвае.
Его пожалеет кондуктор, у нее на комодe фарфоровые слоники.
Потом герой окажется отцом ее ребенка, но об этом не узнает.
И все было бы так просто, если бы не было еще проще.
Герой и героиня встретятся, но он полюбит не ее, а другую.
Или встретятся и поженятся, а потом он застрелится ночью.
Или просто будут всю жизнь думать, что второго не существует.
Все пройдет, и даже ноябрь. Все станут старше, умнее, злее.
Вода будет лежать спиной на илистом дне и смотреть в небо – по-
детски
широко раскрытыми серыми глазами, как только она умеет.
Вот, собственно, и конец истории. Убийца – дворецкий.

НЕЖНОСТЬ

Сон случится не сразу, ближе к утру.
Дворник сметет звезду в холщовый мешок.
Лопнет фонарь, расплескав избыточный ток.
Встань с холодного камня, не стой на ветру,
Выпрями спину, давай, застегни пальто.
Это легко, только кажется, что никак.
Страх разобьется о придорожный знак,
честное слово. А нежность придет потом.

Теплый ветер уснул

Теплый ветер уснул. Не буди его. Пусть отоспится.
Убери колокольчик, возьми свой мешок и вперед.
Воздух пахнет дорогой, дождем, коньяком и корицей,
мокрой пылью и чем-то еще – черт его разберет.

Солнце вытащит из лесу длинные рыжие космы
и расслабленно ляжет в траву и в оконный проем.
Над домами неслышно для всех начинается космос.
Это значит, что мы никогда, никогда не умрем.

И так спокойно и легко

И так спокойно и легко,
как будто выбито окно
и ветер вынес всё из дома

и пахнет свежестью дождя
и нет меня, и нет тебя,
и нет знакомых

и можно вдаль, и можно вдоль
и можно всё делить на ноль
неоднократно

и развернуться и уйти
и, передумав по пути,
прийти обратно.

Секрет

Буду стирать, гладить, готовиться к поездке,
мыть полы в спальне, вытирать пыль в детской,
слать смс подруге, гуляющей по Парижу,
зайду в кладовку за чемоданом, ударюсь локтем о лыжи,
потру ушибленное место и, скорее всего, не заплачу,
в самолете буду читать Славу Сэ или Терри Пратчета.
У меня все хорошо, гораздо лучше, чем у многих прочих.
У меня есть дом, я все еще умею спать ночью.
И еще есть секрет, я его нашепчу в ямку, зарю и сверху посею
траву:
сердце мое не бьется и я только делаю вид, что живу.

руку подставь

Руку подставь к груди – сердце бухнется
прямо на ладонь, уляжется мягкими часами Дали,
теплое, почти непротивное, хотя вполне могло бы и
оказаться гаже полуощипанной курицы
или мокрицы, ползущей по мытому ванному дну,
манной каши с комками. Ложку, еще одну,
за маму, за папу,
за бешеную собаку,
за белого кролика,
за шарики и ролики,
вырастешь выше
крыши.

Идешь по битому стеклу

Идешь по битому стеклу,
а воздух тонок и упруг,
и кто-то скажет на углу
«Напился, друг».

И неприметный постовой
в прозрачной будке наверху
махнет нечаянно рукой
и мир – в труху.

А ты, нелеп и одинок,
продолжишь путь по пустоте,
пока не рвется волосок —
из никуда в нигде.

недосказка-2

Заведу пластинку, повешу на крюк пальто.
Пьеса кончена. Что ж, значит, надо писать другую,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.